

Автор: Есельсон С. (Россия)

Чем можно заниматься, когда тебе сорок лет и когда идут сорок дней погибшей молодой жены?

Ему нигде не было места: ни на работе, где сослуживцы, жалея, ни о чем не упоминали и где заговор участливого молчания был равен гнетущей тишине. Он не находил себе места ни дома, где все было наполнено ее следами и внезапно навалившейся пустотой, ни около ее и своих родителей, ни в постели внезапно обнаружившейся утешительницы, жены их давнего приятеля. Не давал ему успокоения и следовательно, со значением намекавший на возможность каких-то связей между ним и убийцей-водителем.

Когда миновал девятый день ухода жены на кладбище (ибо в тот свет муж категорически почему-то не верил), то маета достигла безграничных пределов — хоть в петлю лезь. И муж полез — в компьютер, читать файлы, оставшиеся от жены. Раньше он считал это занятие ниже своего достоинства, теперь уже было не до достоинства. Теперь уже было все равно.

Он с унынием читал ее дневник — о том, как она упорно шла к венчанию и как была полна ожиданиями воцарения в их семье былой радости совместного пения,

восторженного грузинского хора, где один начинает, другой подхватывает, первый продолжает, вплетается, и получается плетенка, двухголосное одnogолосье. И каким ударом для нее стало то, что ничего не изменилось. Воцарилась тишина. Она, правда, писала, что священник ей сказал: «Смотрите, Ваш неверующий, крещенный в детстве супруг ради Вас идет на венчание. Это уже многого стоит». Это вначале стоило многого, но чем дальше, тем больше слова священника исчезали, таяли во времени. Зато обретали вес слова подруги о том, что тащить под венец неверующего — большой грех и как у нее, подруги, все славненько и хорошо стало с супругом, когда он стал бывшим.

Она писала о том, как тишина в доме, где каждый занимался своим делом и своим бездельем в одиночку, становилась все более ледящей. Как-то она обменялась с мужем репликами о том, что им можно и не разговаривать, потому что заранее на все известны ответы, все ходы расписаны. После этого стало совсем невмоготу. И тут фильм «Доктор Живаго». Она отметила в дневнике, что смерть доктора в ситуации, когда отказать НКВД невозможно, а не отказать — подло, оказалась для доктора Живаго выходом. Вся эта фраза была подчеркнута и выделена желтым цветом. «Цветы запоздалые», — мелькнуло в сознании мужа, и он выключил компьютер.

Вечером сорокового дня он открыл компьютер снова. Он листал бесконечно ее дневники.

Почему ей было не так? Все так живут — зарабатывают, покупают, изменяют, ссорятся, мирятся, вместе ездят в гости к друзьям и родителям, на рыбалку, готовят, друг друга лечат, оказывают друг другу сексуальные услуги, иногда рожают детей и пытаются их воспитывать.

Что ей было не так? Зачем далось ей это венчание? Он мял в руках мячик, похожий на маленький апельсин, и искал. Он искал, откуда росли ноги ее смерти — так ему казалось.

Вот запись: «Тьмы низких истин нам дороже все возвышающий обман». И приписка: «История самообманов моей жизни». Этот заголовок относил его к замысловатому тексту о сказках детства, папе и деду Морозе. «Сказка о папе» была с душком подростковых девичьих фантазий на тему «чем я хуже этой женщины, называющей себя моей мамой и делящей с ним постель» — но конец был с ужасом раскаяния и сценой, как на похоронах ближайшая ее подруга, поверившая в сказки об инцесте, с ненавистью взирает на убитого горем отца, и патетической концовкой: «Люди, не верьте подростковым рассказам».

Муж уныло листал ее дневники, и вдруг метка — 2005 год. «Итоги года. Сегодня в ЖЖ встретила рассказы о психотерапевтической группе «Восстановление семьи». Откуда столько ненависти к ведущему? Что за струнки задеты? Надо почитать про Евстафия Плакиду и его семью».

Следующая запись: «Прочитала. Читала и редела. Почему у меня семья не такая?»

Муж закрыл дневник и набрал в поисковике «Евстафий Плакида».

«В дни царствования императора Траяна в Риме вспыхнула звезда нового талантливоего военачальника — Плакиды. Звездных полководцев Древнего Рима неизменно затягивало в политику, рано или поздно, где они и заканчивали свой жизненный путь, славно или бесславно. Но тут был случай особый. Плакида был заядлый охотник, а не политик.

В каждой охоте — своя неповторимая эстетика. Эстетика охоты на оленей в горах казалась Плакиде наиболее привлекательной. Как-то Плакида увлекся преследованием крупного оленя. Олень ушел в сторону от стада, уводя за собой увлеченного преследованием Плакиду и нескольких человек из его окружения, если говорить современным языком — телохранителей.

Главная боль телохранителей всех времен и народов — страстный, увлекающийся хозяин, игнорирующий предупреждения о том, что ему может угрожать опасность, и просьбы не так увлекаться. Плакида увлекся преследованием не на шутку. Конь его был явно лучше, чем у телохранителей, и он оторвался от них. Те горестно взирали на уходящих вдаль неумолимого оленя и Плакиду.

Развязка приближалась. Олень взбежал на отдельно стоящую скалу, а Плакида застыл внизу, перекрыв пути к отступлению. Можно было хоть сейчас положить оленя из лука,

но теперь уже Плакида хотел большего — изловить его.

...Ранним августовским утром 98 года у дверей своего дома в римском квартале Герар вдова убитого в Иудее воина седьмого легиона по имени Клавдия обнаружила мешок. Мешок был набит дорогими одеждами; и в нем обнаружился другой увесистый мешочек, набитый золотыми квинариями.

В то же утро Клавдия отправилась в гости к дальней родственнице Минте, вдове убитого за полгода до того воина той же центурии седьмого легиона, что и ее убитый супруг. Минта намекала на то, что с ней случилось столь же странное происшествие. Женщины сопоставили детали, сравнили материал мешочков и пришли к выводу, что это рука одного и того же благодетеля.

Жрец старинного храма Марса подтвердил, что в последние годы Марс оказывает неслыханные прежде благодеяния вдовам и сиротам павших воинов — правда, воинов только седьмого легиона.

Командиром седьмого легиона был не кто иной, как славный легат сенатор Плакида.

...Он внимательно смотрел на оленя, а олень на него. И вдруг он услышал раскат наподобие громового и голос: «Зачем ты преследуешь меня?» — и увидел, как между рогов словно молния прошла и — как будто разорвалась материя, на которой все было нарисовано: и скалы, и олень, и облака, и небо, и в образовавшемся разрыве материи сияющего цвета высокого и спокойного знойного неба увидел фигуру распятого человека.

Плакида был парень отчаянный, смерть неоднократно заглядывала в его жизнь, но вот чудо туда не заглядывало никогда — парень упал с коня и потерял сознание.

Когда Плакида очнулся, оленя не было. Плакида, глядя в пустоту, спросил: «Кто ты, Боже?»

Ответ звучал в голове не звуками, а сразу пониманием: «Я Бог, создавший весь этот мир, создавший людей. Произошла катастрофа, и люди заболели мерзостью греха, мерзостью злых мыслей, чувств и дел. Я воплотился в человеческом облике, чтобы показать пример, как жить, чтобы показать путь к выздоровлению. Люди, к которым пришел я, не приняли меня по своему навыку к злобе и нежеланию ее оставить. Меня определили на крестную смерть, я кротко принял это определение. Ученики мои испугались, разочаровались и оставили меня, но потом начали мучиться совестью и раскаялись. С этого началось спасение людей. Я избрал тебя для познания меня».

— Ты избрал меня, лично убившего более тысячи человек?

— Да, я избрал тебя, военного человека, убийцу. Мне ведомо, что происходит с вдовами и сиротами погибших бойцов седьмого легиона. И мне этого достаточно.

— Господин мой, тебе надо так мало?

— И даже то, что душа твоя мается, болит от твоей профессии, говорит за мой выбор.

— Что мне делать, Господи?

— Найди священника, прими от него крещение и наставление в вере.

Товарищи Плакиды его задумчивость отнесли к упущенному оленю; он им ничего не говорил, а они не расспрашивали.

Жене Евстафий рассказал все. Она ему поверила. Евстафий навел справки. К вечеру он уже знал, где в Риме живут христианские священники. А ночью он с женой и детьми был у священника.

Священник послушал, что сказал Плакида, возблагодарил Господа и рассказал им десять заповедей Божиих, присовокупив одно — что Господь просил пытаться их соблюдать. Ошеломленный Плакида спросил: «И это все?» Священник, имя его было Иоанн, отвечал: «А ты попробуй». И рассказал, что иудеи пытались, и у них не получилось, и что пришел Господь в образе Иисуса Христа и показал пример, как жить — и рассказывал, и рассказывал, и рассказывал все, что сам знал про Его жизнь и что Он рассказывал.

При крещении Плакиде священник дал новое имя Евстафий, его жене Татьяне — Феопистия, а детям — Феопист и Агапий.

На следующий день Евстафий снарядил новую охоту в тех же местах, что и прежде. На этот раз охота была загонная, и ему без труда удалось на какое-то время уединиться. Доскакав до места вчерашнего видения, Евстафий спешился, пал наземь и обратился: «Что дальше, Господи? К каким достижениям ты меня устремляешь?»

И услышал ответ: «Царство мое не от мира сего. Мне безразличны достижения в мире сем».

— Господи, а как мне тогда жить? Куда стремиться?

— Стремись прожить по Заповедям моим. И те истории, что тебе рассказал священник — тебе в помощь.

— И это все?

— Евстафий, невозможно прожить жизнь и не подвергнуться испытаниям, невозможно не испытать вызовов от князя мира сего.

— Кто это?

— Та сила, которой невозможно видеть, как люди живут по заповедям.

Евстафий вспомнил, как священник помялся, замялся, но рассказал им под конец книгу Иова.

— Господи, когда мне ждать испытаний?

— Ты думаешь, готов ты к испытаниям сейчас или отложить на конец жизни?

— Господи, если их невозможно избежать, то пускай сейчас.

Евстафий был человек военный, что значило — решительный. Он поднялся, вскочил на жеребца, нашел потерявших его растерянных телохранителей и поскакал домой.

На его рассказ жена прореагировала странно. Она вспомнила, как однажды вернулся он из очередного победного похода и сообщил ей, что мясо есть нехорошо, и они питались какое-то время только растительной пищей. Из другого похода он вернулся с убеждением, что нужно уезжать из города, что вилла должна быть деревянной, и жить надо на природе. «Кидает нас из стороны в сторону. Ты уверен, что это не очередное проходящее увлечение?»

Долго смотрели они молча друг другу в глаза. Наконец Евстафий сказал: «То были поиски, а это находка. Неужели ты не видишь, что на этом камне можно строить жизнь? Мы же оба крестились у Иоанна, и мальчиков крестили».

И она ответила: «Да. Прости, забылась».

Внешне почти ничего не изменилось в жизни дома Плакиды. Только среди нищих прошли слухи, что у этого дома всегда подают милостыню, и сонм нищих возле дома Плакиды рос и умножался, как это было почти две тысячи лет спустя в северном Кронштадте, у дома священника Иоанна, позже названного Кронштадтским.

Кто-то мне говорил, что раздающий милостыню получает здоровье и благосостояние. Наверное, где-то это так. Может быть, у индусов. Но у Евстафия происходило нечто противоположное.

Дом поразила эпидемия. И пока его слуги и рабы лежали в лежку, имение начало интенсивно расхищаться.

Денег катастрофически не хватало. Ни на что.

Невозможно сказать, кому первому пришла в голову странная мысль, но после выздоровления рабы были отпущены. Рабов всегда отпускали, но поодиночке, иногда семьями, и всегда — за какие-то особые, большие заслуги. А тут всех, и просто так.

Это происшествие еще не успело обсуждаться и оживить чуть заскучавшую римскую жизнь, как последовало следующее. Семья Плакиды исчезла.

Если сегодня проехать по средневековым дорогам католической Европы, то можно заметить на перекрестках дорог кресты либо статуи Богородицы. Их назначение было просто — странствующие рыцари, то есть не наследующие земли, дома и крестьян младшие дети европейских помещиков, имевшие только лошадь и холодное оружие в своем распоряжении, странствовали куда глаза глядят по дорогам Европы, а куда правильно глядеть глазам, они узнавали, хорошенько помолившись на перекрестке.

Вот так же, но больше чем за тысячу лет до странствующих рыцарей, молясь на перекрестках, передвигался Евстафий со своей семьей. Они уклонялись от больших населенных пунктов и довольно удачно долго, оставаясь неузнанными, продвигались по дорогам Апеннин.

Они пришли в небольшой порт, где грузился корабль. Корабль был один, это-то и определило их выбор. Корабль плыл в Египет, и хозяин готов был взять пассажиров за приемлемую плату.

Парусник подошел к африканскому берегу в пустынном месте, где-то на территории современного Туниса.

Когда Евстафий подошел к хозяину расплатиться, тот внезапно вытащил саблю и объявил Евстафию, что в качестве оплаты остается его жена. При этом по команде хозяина двое матросов схватили детей Евстафия и потащили на готовую к отплытию шлюпку.

Много лет потом — и днем, и ночью — в памяти Евстафия прокручивался и прокручивался этот эпизод.

Хозяин объявил Евстафию ультиматум — либо он немедленно последует за детьми в шлюпку, либо матросы перевезут их на пустынный берег одних, а он тем временем изрубит Евстафия на части.

Евстафий был человек с военным опытом, но с опытом полководца, а не телохранителя, боевыми искусствами не владел и как сражаться, будучи безоружным, с вооруженным саблей противником, не знал.

Позже в мучительных воспоминаниях Евстафия перед его мысленным взором проплывала и проплывала одна и та же картина: как он отступает к перилам, ища боковым зрением, что бы можно было ухватить в руки, чем бы зацепить хозяина или хоть на мгновение ослепить его, и не находит.

В это время Феопистия истошно закричала: «Иди к детям!» — и он сдался. Он на мгновение усомнился в ее помыслах, и этого было достаточно, чтобы сдаться.

Была жаркая африканская весна, на берегу стоял дрожащий как в лихорадке Евстафий, держа за руки двух плачущих маленьких мальчиков, и провожал глазами корабль, пока он не превратился в точку на горизонте.

Наступала новая жизнь...

Евстафий долго молился, задавая мысленно вопрос из двух предложений: «Как же так?» и «Куда дальше?».

Местность за рекой казалась более живописной. Никакого явного ответа в голове не складывалось, и это ощущение живописности Евстафий признал за ответ.

Потом уже, много раз перебирая случившееся, Евстафий вспомнил, как священник ему говорил, что Бог прост и ясен, что он не нуждается в знаках, знамениях и намеках.

Река весенняя оказалась довольно глубокой, с быстрым течением. Евстафий обнаружил, ища брод, что с двумя детьми ему эту реку не перейти и не переплыть. Тогда он оставил старшего мальчика, Феописта, на берегу, а с младшим, Агапием, двинулся через реку.

Он пересек реку, усадил ребенка на более-менее видное место, строго наказав ему никуда не двигаться, пока он не вернется, обернулся — и тут услышал пронзительный крик: «Папа!» Он увидел, как лев схватил Феописта и с добычей двинулся в глубь степи.

Никогда еще Евстафий так быстро не плавал, но когда он перебрался на другой берег потока, оказалось, что совершенно невозможно обнаружить, в каком направлении удалился лев с его ребенком.

Беда не приходит одна — когда Евстафий сбросил с себя оторопь и обернулся к другому берегу реки, то Агапия на месте не оказалось.

Сколько часов Евстафий сидел в оторопи на месте пропажи меньшенького, Агапия, неизвестно, но пришел он в себя от дикой головной боли в напекшейся на весеннем солнце голове с засевшей в ней как заноза вопросом: «За что?».

И тут же сам себе ответил: «Ни за что. По ненависти князя мира сего к людям, которые пытаются жить по заповедям».

Внутренний собеседник не успокаивался: «А тех, кто не живет по заповедям, он любит?» И сам же, вспомнив книгу Иова, ответил: «Ежели диавол все доказывает Господу Богу, что тот зря создал людей, то на не живущих по заповедям Божиим доказательство уже состоялось, а вот пытающиеся жить по заповедям перечеркивают его».

Он шагал по бескрайней степи совершенно один, потерявший в один день и жену, и детей и, казалось, потерявший рассудок. Он то вскрикивал, то понижал голос, что-то бормоча сам себе. Встретив такого, местные жители наверняка сочли бы его за бесноватого, но степь была идеально пуста.

Вечером Евстафий проваливался в сон, зная наверняка, что он легкая добыча ночных хищников и, наверное, без особого желания проснуться. Однажды проснулся он с мыслью, что идет охота не на его тело, раз он до сих пор не был ночью съеден.

Эта мысль стала единственным утешением, потому что тут же перед его мысленным взором начали возникать картины — то на тему «трапеза львиной семьи его Феопистом», то на тему «его жена Феопистия и вождеющая женского тела команда корабля», то ему казалось, что Агапий провалился в какую-то не замеченную им яму, потерял сознание и умирает под палящим солнцем.

Таким его и встретили жители селения Вадис.

Сюда никогда не забредали путники, тем более пешие, тем более чужестранцы. Евстафий кое-как знаками мог объясниться. Они сочли его жертвой пиратов, ограбленного и почему-то не убитого, но высаженного на берегу, чудом не ставшего жертвой хищников, а добравшегося до них.

Ему дали работу. Ему давали и жену, но он отказался.

Так прошло пятнадцать лет.

Траян считается многими исследователями самым успешным императором в истории Древнеримской империи. Между тем империя при императоре Траяне не только росла, но и все с большим трудом справлялась с возникающими проблемами в разных ее частях. Парфия резко усилилась и стала удачливой противницей Рима. Армения фактически оказалась под ее контролем. Парфянские разбойники практически беспрепятственно совершали набеги на римские владения в Антиохии. Вдобавок начали поступать донесения о попытках парфянских эмиссаров установить контакты с лидерами разбросанной по Ближнему Востоку и Северной Африке иудейской диаспоры. И непонятно было, как поведут себя недавно покоренные с большим трудом даки, когда основные римские силы выдвинутся на войну с Парфией.

Надо было начинать военную кампанию против Парфии. А в римских полководцах уверенности у Траяна не было. Они хорошо действовали сосредоточенно, под началом и под присмотром самого Траяна. А как поведут себя легионы, когда их командиры почувствуют себя совершенно независимыми, воюя на разных направлениях, да еще и успех вскружит их головы? И Траян обратился в коллегиям авгуров, то есть к римским предсказателям. Он ждал ответа в принципе любого. Но этот был уж совершенно неожиданным. Авгур напомнил о Плакиде.

Траян до сих пор не очень печалился о Плакиде. Сначала его таинственное исчезновение вместе с семьей вызвало беспокойство. Это было что-то новенькое в жизни Древнего Рима. Спецслужбы ничего не выяснили, а молва гласила, что он разорился, тронулся умом и сгинул вместе с семьей среди нищих, не приспособленный к выживанию в этой специфической среде. На том дело и успокоилось. О Плакиде благополучно забыли. Погоревали, конечно, боевые товарищи о такой нелепой смерти, но военным для долгого переживания времени нет — новые дела, бои, впечатления, победы быстро затмевают старое.

Оракул ошеломил Траяна. Ясно было одно — Плакида жив и надо его обязательно как-то сыскать. Траян был мастер нестандартных решений. Он призвал двух бывших подчиненных Плакиды, которых с ним когда-то связывала дружба, командовавших у него тем, что мы сегодня назвали бы армейской разведкой. Траян прямо сообщил им, что сказал авгур, и предложил сыскать Плакиду.

Прошло пятнадцать лет. Кого можно сыскать через такое время?

Но что главное в сыскном деле? Ветер удачи.

Ветер удачи дул в паруса следователей, и они вышли на след Плакиды.

Антиох и Акакий лично объезжали селения того побережья, на котором, по их сведениям, был высажен Плакида с детьми.

Евстафий сторожил пшеничное поле, когда к нему подъехали всадники. Они его не узнали — спросили, как проехать в селение и не появились ли тут чужестранцы пятнадцать лет назад.

Пятнадцать лет Евстафия местные женщины хотели в качестве мужа и отца своих детей, пятнадцать лет Евстафий вопрошал Господа, как ему быть? Голос Господа легко различался среди множества голосов, звучавших порой в его голове. Голос был тих, не быстр и прост. В нем не было ни вкрадчивости, ни музыкальности. Господь ему неизменно отвечал: «Отказывайся и терпи». — «Меня же многие здесь невзлюбят и по наущению отвергнутых женщин, их отцов и матерей будут гнать?!» — «Будут гнать. А ты терпи». — «Господи, я слаб; оказывается, мне проще быть с врагами в бою. Где мне взять силы отказываться, зная, что этим стяжаю ненависть к себе. Да и плоть моя хочет женщины, где мне взять силы отказываться?» — «Я буду с тобой».

И вот впервые за пятнадцать лет Евстафий вопрошал Господа о другом: «Господи, сегодня вечером они узнают обо мне. Что мне делать? Бежать?» — «Смирись».

Евстафия привезли в Рим. Давно Траян не имел таких диковинных бесед о жизни, давно не слышал таких странных рассказов, как рассказ Плакиды.

Траян был прагматик. И он верил авгуру. Поэтому, когда Плакида в ответ на предложение возглавить легион опять и вдобавок помочь Траяну с подготовкой плана

предстоящей кампании сказал, что ему нужно посоветоваться с Богом своим Иисусом Христом, Траян не возражал, не требовал советоваться с Марсом.

Господь Евстафию сказал кратко: «Соглашайся». Евстафий удивился: «Но я же поведу одних людей на убийство других!» — «В этом падшем мире, который не умеет жить без войн, ты можешь попытаться сделать малое дело — чтобы хотя бы часть твоих воинов жизнь свою клали не ради военной добычи, не ради насилия над женщинами, не из-за денег, которые им платят, не ради чувства себя героями, победителями». — «А ради чего?» — «Ради спасения своих товарищей. Ради спасения своих семей от грядущей угрозы».

Ответ был неожиданно длинным. Евстафий вспомнил легенду о трехстах спартанцах и пошел с ответом к Траяну.

Траян пометил для себя Иисуса Христа как Бога, который не против Римской империи, и кто знает, что было бы дальше, если бы Траян прожил долго после этой встречи.

Евстафий начал как начальник генштаба Траяна, если говорить по-современному, ибо главнокомандующим являлся сам император Траян. Евстафий начал не с подвигов, не с героических бросков и прорывов, а с инвентаризации, с изучения донесений разведки. Открывалась ситуации неожиданная и тревожная — регулярная римская армия была слишком малочисленна для успешных сражений с растущей армией Парфии и ее

союзников и одновременного контроля за территорией даков.

Был объявлен призыв на военную службу годных для этого юношей. По всей империи заработали призывные комиссии. По всей империи заработали школы обучения призывников военному делу.

Парфяне потерпели сокрушительное поражение.

Но начались восстания на огромных территориях империи, от Месопотамии до Египта и Кипра. Парфянские стратеги рассчитывали, что распыленных римских военных сил не хватит, чтобы справиться. Но они не просчитали Евстафия Плакиду с его огромным призывом. Сил у римлян хватило.

Легион Евстафия возвращался.

Четвертая манипула легиона Евстафия разбила свои палатки в одной высокогорной

долине в живописном месте, у излучины реки. Война закончилась, можно было расслабиться и останавливаться в долинах, а не на склонах гор, махнув рукой на контроль господствующих высот и перевалов.

Вечерело, было тихо. Облако тихо переваливало через гору и клочьями тумана вползало в ущелье. В саду работала женщина. Около палатки, вглядываясь в выползающие из ущелья клочья низко сидящей тучи, переговаривались двое молодых воинов.

— Легат сегодня говорил, что у сирот хорошие перспективы в армии, нет влияния родственников.

— Да уж. А ты как сиротой стал?

— Помню плохо, но помню — жили мы в большом доме: я, папа, мама и младший братик. Отец был военным. Не знаю, что случилось, но мы ушли из дома, скитались, дошли до моря, сели на корабль, потом не знаю по какой причине отец со мной и братиком сошел на берег, а мать осталась на корабле.

Женщина в саду прекратила работу, подошла к воинам почти вплотную и стояла, напряженно вслушиваясь в их разговор.

Между тем второй воин вскочил со словами: «Какая похожая история! У меня ведь было то же самое. Как будто ты подслушал и рассказываешь мне то, что я сам рассказывал своим приятелям. Только брат был не младший, а старший. Впрочем, продолжай: что было дальше?»

Первый воин, недоуменно глядя на второго, продолжил: «Нам встретилась река. Отец оставил меня у реки, а сам с братом на плечах пошел на другой берег. Когда он перенес брата и начал возвращаться, лев схватил меня и унес в пустыню, но пастухи отняли меня у него, и я воспитан был в том селении, которое ты знаешь».

Тогда второй воин с криком: «О боги! Ты мой старший брат!» — бросился к нему на шею.

Женщина в саду между тем тихо осела и лишилась чувств.

На следующий день к легату, командиру легиона, на прием начала проситься местная жительница. Евстафий поставил дело так, чтобы во время его походов местные жители, желающие с ним встретиться, могли это сделать без особых проволочек.

Женщина вошла, поклонилась и сказала на чистом римском диалекте, без всякого переводчика: «Прошу тебя, господин, прикажи, чтобы я следовала за войском твоим в Рим, ибо я — римлянка, была взята в плен иноплеменниками в эту землю — вот уже шестнадцатый год; теперь же, будучи свободна, я скитаюсь по чужой стране, перебиваясь случайными работами, и терплю крайнюю нищету».

Евстафий тотчас ответил ей, что она может безбоязненно возвращаться с его войсками, что если кто посмеет ее обижать, то она может сослаться на его слово, спросил, голодна ли она и, увидев, что женщина замешкалась с ответом, приказал ее накормить. На этом аудиенция закончилась.

Наверное, он очень бы подивился, узнав, что творилось во время аудиенции в душе у той женщины.

Между тем, поев, она удалилась в безлюдное место и там, окутанная клубами сгустившегося тумана, отчаянно взывала к Господу. Чему можно уподобить эти молитвы? Молитвенный знаток, пожалуй, мог бы уподобить их только псалмам царя Давида. В этих молитвах была и радость, и благодарность за столь невероятный

подарок судьбы, и горечь от того, что он ее не узнал, и страх открыться, и смущение, и стыд, и желание вернуться, и невозможность переступить, и «что он наделал», и «что я наделала». Так провела она в молитвенном воздыхании невесть сколько часов.

На следующий день она снова предстала перед Евстафием.

Он посмотрел на нее и спросил: «Чего ты еще просишь у меня, старица?»

Слово «старица» ударило в голову, схватило обручем и застучало в висках.

Она поклонилась ему до земли и сказала: «Умоляю тебя, господин мой, не прогневайся на меня, рабу твою, за то, что я хочу спросить тебя об одном деле. Наберись самую малость терпения и выслушай меня».

— Хорошо, говори.

— Не ты ли Плакида, нареченный в святом крещении Евстафием? Не ты ли на оленьей охоте увидел Христа? Не с тобой ли разговаривал Бог? Не ты ли крестился сам и крестил жену свою Татьяну в имя Феопистия и детей своих в имя Феопист и Агапий у священника Иоанна? Не ты ли, желая принять испытания этого мира побыстрее, с женой своей и детьми ушел из дома и скитался по разным дорогам, обходя города? Не у тебя ли свирепый чужестранец отнял жену на корабле? Свидетель мне на небе сам Христос Господь, что я жена твоя Феопистия, что я выжила, пережила всякие напасти, скитаясь в чужой земле, и сейчас чудом встретила с тобой».

Шестнадцать лет назад Евстафий похоронил для себя жену. Шестнадцать лет отчаяние бессилия догоняло его ночами, и он в своих фантазиях то героически бросался под саблю и обезоруживал капитана, то пребывал сладострастно среди матросов-наильников. Годами он взывал к Богу с просьбой избавить его от этого наваждения — и в ответ была тишина. А однажды он услышал: «Держи ум свой в аде, жди и не отчаивайся». После этого ответа все как-то понемногу поуспокоилось.

Евстафий долго смотрел ей в глаза, как будто пробуждаясь ото сна; потом он встал, шагнул к ней, они обнялись и заплакали.

Феопистия первым делом рассказала ему о дивном разговоре двух молодых воинов, что услышала она вчера в саду.

Евстафий тотчас же призвал их.

И, как писали об этом хроники, была великая радость в лагере Евстафия, как некогда в Египте, когда Иосиф воссоединился со своими братьями и нашел отца своего, и эта история ходила из уст в уста, поражая воображение древних египтян.

Воздавая в своих молитвах хвалу Господу, Евстафий вопрошал его, должно ли расспрашивать Феопистию о ее злоключениях, ибо недоговоренность может стать невидимым барьером между ними.

И Господь спросил его: «Хорошо ли тебе, Евстафий, от того, что вы снова вместе?»

— Хорошо, — ответил Евстафий.

— Полагаешь ли ты рассказать ей о своих блудных видениях?

— Нет, ни за что не полагаю.

— Полагаешь ли ты после того ада, в котором пребывал ум твой, повергать ее в ад своими расспросами?

— Нет, не полагаю.

— Верить ли ты, что она боролась с напастями этого мира, выпавшими на ее долю, так же, как ты боролся со своими?

— Верю, Господи.

— Тогда обопрись на эту веру, как на недвижимую скалу, и на ней стой.

Между тем в Риме разворачивались политические события — умер император Траян и на престол взошел император Адриан.

Как бывало это тысячи раз, в разные времена и у разных народов, новая метла замела по-новому.

Адриан получил власть формальную и чрезвычайно нуждался в том, чтобы превратить ее в фактическую. Нужна была популярность, нужны были факты, действия, показывающие его силу, возвышающие его над остальными. Тем более злые языки поговаривали, что чрезвычайно популярный император Траян был отравлен и что восхождение Адриана на престол не вполне законно. К моменту смерти Траяна Адриан был наместником в Сирии. Он не поспешил возвратиться в Рим. Ему нужна была маленькая победоносная война — для укрепления авторитета. Он двинул войска в низовья Дуная, где расправился с совершавшим набеги на римские владения сарматским племенем роксоланов. Заодно дождался сведений, кто из людей Траяна в Риме, воспользовавшись его отсутствием, плетет нить заговора против него. Доносители угадали, что хотел услышать император, и донесли, что, конечно же, это был наместник Иудеи Луций Квиет, любимец Траяна, которого Траян публично называл своим преемником. Квиета удается убить, даже не возвращаясь в Рим. На очереди — остальные «любимчики» Траяна.

Армия Адриана возвращается в Рим. Устраивается специальный торжественный марш — триумф. Адриан приготовил спектакль, который должен подчеркнуть его высокие нравственные качества — скромность и признательность бывшему императору Траяну. По улицам Рима идет триумфальная процессия. На месте триумфатора не Адриан, а скульптура покойного Траяна.

Обласкан и осыпан наградами и Плакида, но он — «любимчик» Траяна.

Триумфальный день должен закончиться процедурой благодарственного молебна. Адриан, конечно же, знал, что Плакида стал христианином. Из этого не делал тайны ни он сам, ни император Траян, ни другие слушатели и свидетели его истории.

И как только Адриан не обнаруживает рядом с собой в храме Плакиду, то тут же посылает выяснить, где тот. Ему сообщают, что Плакида стоит около врат храма и дожидается, когда они выйдут из него. Император посылает спросить Плакиду, почему он не входит в храм — ведь боги не только сохранили его живым и невредимым, не только помогли сотворить перелом в ходе войны и одержать сокрушительную победу над врагом империи, но и помогли найти жену и детей. Задавая этот вопрос, Адриан собрал вокруг себя великое множество слушателей — свидетелей его «мудрых речей», а заодно разворачивающейся драмы.

Знал ли Адриан, какой ответ последует от Плакиды? Наверняка знал, ибо христиане в подобных обстоятельствах вели себя одинаковым образом.

Плакида передал в ответ Адриану, что он христианин, что чтит единого Бога, создавшего весь этот мир и являвшегося в него в образе Иисуса Христа, что за все случившееся он благодарен Ему и Ему поклоняется.

Адриан, получив ответ, произнес короткую, но пламенную речь: «Вот так наши сенаторы, наши военачальники забываются, думают, что им все дозволено, и начинают бесчестить традиции отцов. Наши отцы побеждали весь мир, благодаря за это наших богов-покровителей, а нынешним военным они, видите ли, уже стали не покровителями, для них покровитель теперь Бог покоренных нами иудеев. Вот так нам готовят наши будущие поражения!»

После чего Адриан посылает своего порученца к Плакиде с вопросом: «Не боишься, что за твое оскорбление богов наших предков они отвернутся от Рима и настанут для него тяжелые времена?»

Евстафий отвечал: «Не настанут из-за этого тяжелые времена для империи. Потому что ваших богов не существует. Скульптуры богов есть, жрецы есть, а самих богов нет».

После чего развернулся и ушел прочь от храма.

Решением императора Плакида был лишен звания легата и отстранен от командования армией.

Далее был суд. На суд в качестве свидетелей были вызваны жена и дети. Когда они отвечали, что не осуждают, а поддерживают высказывания Евстафия, то сами превратились в обвиняемых.

Адриан лично на суде демонстрировал утонченное милосердие, уговаривал судей не спешить осуждать семью, а дать им возможность исправиться, покаяться, пойти в храм и принести жертву богам. Но подсудимые ни на что не согласились, были дружны в своем упорстве.

И суд приговорил к смерти за подрыв устоев римской государственности — Евстафия, а семью — как его сообщников.

Смерть должна была последовать в цирке, при большом стечении народа, вследствие съедения голодными зверями.

Евстафий и сыновья взялись за руки и встали вокруг матери, укрепляя друг друга в том, чтобы умереть достойно, вспоминая о смерти Христа.

Звери подходили к ним, нюхивались во что-то незримое и, опустив голову, отходили, тихо скуля.

Публика расходилась частично разочарованная, частично озадаченная.

А Адриан был взбешен. PR-акция по укреплению его имиджа срывалась.

Семью Евстафия Плакиды отвели в камеру.

А назавтра Адриан решил на них испробовать новое устройство для пыток и казни, подаренное недавно одним из восточных властелинов.

Адриан всенародно объявил, что богоотступники столь противны зверям, что те брезгают есть их, предпочитая оставаться голодными. Но приговоры в Римской империи должны неукоснительно исполняться, иначе будут подорваны сами основы доверия людей к справедливости нашего суда. Поэтому новое, проверенное в других государствах средство осуществления смертного приговора будет применено в данном случае.

После этого объявления была ввезена огромная медная фигура вола. В ней, как некогда в Троянском коне, была дверь. В эту-то дверь и предстояло войти Евстафию и его семейству. Они помолились, обнялись и вошли в него.

Под помостом, на котором стоял вол, был зажжен огромный костер, костру предстояло гореть два дня, далее день — на остывание.

Через три дня дверь была открыта с ожиданием изъятия оттуда трех обугленных трупов богоотступников, умерших в жутких мучениях. Каково же было изумление как вынимавших, так и собравшихся на все это поглазеть, когда тела были обнаружены целыми и невредимыми, ни один волос не сгорел, лица их были похожи на лица спящих и блистали чудною красотой. Они покинули этот мир, обнявшись, судя по всему, одновременно.

Происшедшее не укладывалось ни в какие привычные рамки, и Адриан ушел с места происшествия, не отдав никаких распоряжений.

Между тем тела забрали римские христиане. И сейчас они покоятся в храме святого Евстафия в Риме».

Муж долго ходил по квартире и вспоминал. Потом снова сел к компьютеру и открыл дневник жены. Запись под названием «Послесловие к Евстафию Плакиде»: «Я так хотела прожить с ним светлую жизнь и умереть в старости в один день. Не повторить родителей. Чем испытывалась я? Его первой изменой, наверное. О, Господи, как я суежилась, каких глупостей тогда понаделала! Не сумела простить своих обманутых надежд на другую, чем у родителей, жизнь. И до сих пор не простила, факт. И он меня не простил, скорее всего. За мои измены, за то, что демонстрировала ему, что в любой момент могу выставить его из моей квартиры и из своей жизни. Но почему венчание ничего не изменило? Почему он, как ни в чем не бывало, взялся за прежнее???»

Следующая запись была под заголовком «Их смерть обвенчала» — и муж вздрогнул. Она обсуждала недавно просмотренный фильм Хайнеке «Любовь», победивший на Каннском кинофестивале. «Ну, вот, герой по просьбе тяжело больной жены душит ее, а потом кончает с собой. Мой бы, может, и выполнил бы мою просьбу отчаяния, но с собой — нет, никогда, — в жизни так много удовольствий, которые можно вкушать, вкушать и вкушать. И все-таки, почему у меня такая горечь, как будто жизнь кончается с сознанием, что она не состоялась, почему мое венчание ничего не изменило?»

«Вчера разговаривала со старым сказочником. Он удивился: «У вас в городе венчают без Исповеди и Причастия? Поистине, последние времена наступают! Наверное, священник у вас позавчера стал православным, а вчера — священником. Это же надо — венчание без покаяния, без отказа от своих прегрешений друг перед другом, без тяги к перемене жизни. Знаете, милочка, баловство у вас это одно, красивый обряд — и только».

Последняя запись в дневнике.

«Разговаривала с дочерью. Когда-то она, ребенком еще, сохранила наш брак. Теперь жалеет, говорит, что будет с мужчинами жить, не оформляя своих отношений и не рожая детей. Спорить с ней не получилось — тыкает в нос примером отношений мамы с папой, то есть нас. Какое испытание не прохожу? Наверное, испытание непощением. Я не прощала его, а он — меня. Господи, как мне забыть все и начать с ним новую жизнь, как мне с ним помириться?! В детстве так просто: зинчик-мизинчик, мирись-мирись и больше не дерись, а если будешь драться — я буду кусаться. И все, побежали дальше, как ни в чем не бывало. А у нас так сложно. Ему выгодно меня не прощать, чтобы иметь всегда индульгенцию на свои измены, а мне выгодно его не прощать, помнить все — в отместку, что ли? Господи, как мне пропеть ему песню: «Я хочу быть с тобой и только с тобой», — и чтобы он мне поверил, раз и навсегда. И чтобы ты мне, Господи, поверил?»

На следующий день она погибла.

Муж вытер испарину со лба и заказал такси — ехать на кладбище.